

НЕ ШАГАЙСЯ

Ника Светлова

Ника Светлова

Не шагайся

<https://litres.ru/74601648>

SelfPub; 2026

Аннотация

2189 год. Капсулы «шага» сжали галактику до мгновения. Любой может переместиться на другую планету за секунду на работу, в гости, к любимой. Расстояние перестало что-либо значить.

Кай, инженер по капсулам, не шагается уже два года. Он знает то, что скрывает Корпорация Мостов. И это знание держит его в ловушке между страхом и любовью.

Содержание

Пролог: Человек, который перестал шагаться	4
Часть первая: Медленно, но собой. Глава 1: Рейс	9
714	
Глава 2: Восемь лет назад. Первая встреча	15
Глава 3: Три солнца. Признание и разлука	23
Глава 4: Сбой	29
Глава 5: Квантовая подпись	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ника Светлова

Не шагайся

Пролог: Человек, который перестал шагаться

Земля, 2189 год. Станция «Гамма-7», сектор технического обслуживания.

Кай стоял перед открытой панелью капсулы «шага» и слушал, как она поёт.

Это была странная особенность, о которой не писали в инструкциях. Пользователи слышали только ровный успокаивающий гул, похожий на шум далёкого прибоя. Но если снять защитный кожух и приложить ухо прямо к охлаждающим трубкам, можно было различить мелодию. Высокую, сложную, похожую на перебор арфы, только в тысячу раз быстрее. Словно кто-то невидимый перебирал струны из чистой энергии.

Кай слушал эту песню каждую ночь. Она помогала не думать.

Сегодня он слышал в ней что-то новое. Низкую ноту, которой раньше не было. Она пульсировала медленно и рит-

мично, как второе сердце. Он приложил ладонь к трубке. Металл был тёплым.

— Ты опять не спишь? — голос Ньиры раздался из динамика на поясе, и Кай вздрогнул.

Он не обернулся. Да и зачем? TRAPPIST-1е был в сорока световых годах от этой станции. Сорок световых лет, четыреста триллионов километров. И где-то там, под куполом колонии «Надежда», под светом трёх маленьких красноватых солнц, сидела женщина, которую он любил и от которой бежал уже два года. Хотя «бежал» — неправильное слово. Бегут быстро, а он полз. Медленно, но собой, как любил повторять Орсон.

— Система Б-12 перегревается, — сказал он. Это было враньё. Система работала идеально. Он просто любил слушать капсулы и боялся их. Странное сочетание, но люди вообще существа противоречивые.

— Ты ведь не шагнул ни разу за два года, — в голосе Ньиры не было упрёка, только усталость, которая накапливается не за день и не за неделю, а за годы ожидания. Кай знал эту усталость. Он слышал её в собственном голосе, когда говорил с зеркалом. И он слышал её в молчании, Ньира больше не присылала ему голограммы дочери. Последняя была год назад. Кая на ней улыбалась, показывая выпавший зуб. Кай смотрел на неё сорок семь раз, как ту запись. И на сорок восьмой выключил. Он боялся, что если посмотрит ещё раз, то шагнётся. А шагнуться он не мог.

— Я летаю на грузовых кораблях. Медленно, но верно.

— Прилети ко мне не на корабле. Шагнись. Я хочу тебя обнять.

Кай прикрыл глаза. Он помнил её крепкие объятия. Ныира всегда обнимала так, словно пыталась запомнить его телом на случай, если глаза забудут. Словно прощалась. Она вообще жила так, будто каждый момент последний, наверное, поэтому он её и полюбил.

— Я не могу, — сказал он.

— Ты не можешь или ты не хочешь?

Он не ответил. Хороший вопрос. Он и сам не знал точного ответа. Может, и хотел бы, но была одна причина, которая мешала. Маленькая такая причина. Размером с видеозапись сорокасемикратного просмотра.

— Кай, прошло два года. Я не молодею. И ты тоже. Если ты не прилетишь сейчас...

— Я прилечу. На корабле. Через три недели доберусь до Марса, закончу дела с «Ковчегом» и сразу к тебе.

— Три недели. — Она повторила так, будто слово было горьким. — Ты говорил это полгода назад. И год назад. И два.

Он выключил динамик. Просто нажал кнопку на поясе. Трусость? Возможно. Но слушать дальше было невыносимо, потому что каждое её слово было правдой, а правда, как известно, имеет свойство ранить сильнее любой лжи.

В тишине технического отсека капсула Б-12 продолжала

петь. Кай смотрел на её гладкий корпус, на индикатор готовности, горевший ровным зелёным, и думал о том, что два года назад нашёл в архивах Корпорации Мостов папку с грифом «уничтожить до прочтения».

Глупый гриф. Кто вообще придумывает такие формулировки? Это как написать на двери «не входить». Любопытство сгубило не только кошку, но и немалое количество инженеров. Кай был одним из них.

В папке лежала видеозапись. Утечка от уволенного техника. Камера системы безопасности зафиксировала нарушение протокола. Такое бывает, когда железо устаёт так же, как люди. На записи человек входил в капсулу А. В капсуле Б появлялась его копия точная, до последней родинки, до последнего шрама. А потом капсула А открывалась, и оттуда выходил... он же. Оригинал. Живой. Испуганный. Он цеплялся за дверь, кричал, что он настоящий, что произошла ошибка. Техники в защитных костюмах заталкивали его обратно. Дверь закрывалась. Камера ещё несколько секунд писала приглушённые крики изнутри. Потом наступала тишина. Самая страшная тишина, которую Кай когда-либо слышал.

Он пересматривал эту запись сорок семь раз. На сорок восьмой его стошнило. Он выключил терминал и пошёл пить в техническую подсобку, где среди запасных фильтров и старых плат хранил бутылку дешёвого марсианского виски. Напиваться на рабочем месте запрещалось, но Кай давно заметил, что самые строгие правила существуют для того, чтобы

их нарушать в самые тёмные часы ночи.

Теперь он стоял у капсулы Б-12, слушал её пение и не знал, что через двадцать минут его жизнь кончится. И начнётся снова, потому что именно столько времени оставалось до события, которое перевернёт всё.

Но это будет потом. А пока песня.

Часть первая: Медленно, но собой. Глава 1: Рейс 714

Космос за иллюминатором был чёрным и равнодушным. Кай смотрел на звёзды и думал о том, что каждая из них — это место, куда можно шагнуть за секунду. Марс, Церера, Энцелад, TRAPPIST-1e. Миллиарды километров, сжатые в мгновение. Человечество разбросало себя по галактике, как ребёнок разбрасывает игрушки, быстро, не задумываясь о последствиях. Капсулы шага сделали расстояние бессмысленным. А вместе с расстоянием обесценилось и всё остальное. Время. Ожидание. Верность. Как можно скучать по человеку, если до него секунда? Как можно ценить встречу, если она не требует усилий?

Кай не любил капсулы. Но ещё больше он не любил вопросы, на которые у него не было ответов.

Грузовой корабль «Ковчег-3» тащил оборудование для марсианских шахт. Три недели пути, которые шагом можно было преодолеть за секунду. Но Корпорация Мостов сэкономила на массовых перевозках. Дешевле отправить один корабль с экипажем из двух человек, чем гонять через капсулы тысячи тонн руды. Капсулы требовали энергии. Много энергии. Энергия стоила денег. А деньги Корпорация люби-

ла больше, чем людей. Впрочем, как и любая корпорация в истории человечества.

— Опять медитируешь?

Орсон вплыл в рубку, цепляясь за поручни с грацией старого космического волка. Ему было шестьдесят четыре, и он принадлежал к вымирающему племени, к тем пилотам, которые ещё летали «медленно». Его лицо напоминало карту звёздного неба: морщины, шрамы, пигментные пятна от дешёвой косметической хирургии. Но глаза были живыми, яркими, голубыми, как земное небо. Кай видел такое небо только на картинках, он родился на Марсе, где небо цвета ржавчины.

— Сорок световых лет до неё, — сказал Кай, не оборачиваясь. — Если бы я шагнул, был бы там через секунду. До Земли чуть больше. Но я лечу на Марс. А оттуда до неё ещё двенадцать недель лёта.

— Но ты не шагнёшься, — Орсон уселся в соседнее кресло, крихтя, как старое дерево на ветру. — Я тоже.

Кай наконец повернулся. Орсон достал из нагрудного кармана помятую фотографию. На ней двое мальчишек на фоне старого вездехода. Один смеялся, второй корчил рожу в объектив. Марс, красная пыль, низкое небо. Давно. Ещё до шага. До того, как мир стал быстрым и ненастоящим.

— Мой брат Маркус. — Орсон провёл большим пальцем по фотографии, и в этом жесте было столько нежности, что Кай почувствовал себя лишним. — Шагнул на Энцелад

три года назад. Вернулся другим человеком.

— В смысле, копия? — Кай напрягся.

— Нет. Та же плоть. Те же шрамы вот здесь. — Орсон показал на своё запястье, где белел старый ожог. — У нас у обоих был ожог от выхлопной трубы вездехода. Мы в детстве по очереди катались, и я перевернулся. Маркус вытаскивал меня из-под обломков. Руку обжёг. Я запомнил этот шрам на всю жизнь, а он забыл.

— Забыл шрам?

— Забыл, откуда он. Я спросил: «Помнишь, как мы разбили отцовский вездеход?» А он посмотрел на меня пустыми глазами и сказал: «Какой вездеход?» Мы из-за этого месяц не разговаривали в детстве. Месяц! Я с ним не разговаривал, потому что он сдал меня отцу. А он забыл! Как такое можно забыть?

Орсон убрал фотографию обратно в карман, поближе к сердцу. Кай заметил, что руки у старого пилота дрожат. От гнева или от горя. Или от того и другого сразу.

— Шаг что-то забирает. Не спрашивай что, я не знаю... Но забирает.

Кай хотел ответить, но не успел.

Сигнал тревоги взвыл, разрывая тишину рубки пронзительным визгом. Кай дёрнулся к пульту, пальцы забегали по сенсорам — старый навык, въевшийся в мышечную память.

— Перегрев третьего контура. Чёрт, опять. Я же говорил техникам на «Гамме», что прокладки менять надо, а они...

Орсон уже отстёгивал ремни. Двигался он быстро, без суеты. Так двигаются люди, которые привыкли к аварийным ситуациям. Или которые просто устали бояться.

— Я в машинное. Оставайся здесь.

— Я с тобой.

— Оставайся, парень. — Орсон впервые за весь рейс посмотрел на него серьёзно, без обычной усмешки. И Кай вдруг понял, что старый пилот всё знает. О капсуле. О записи. О страхе. Знал и молчал, потому что настоящие космические волки умеют ждать, пока человек созреет для разговора.

— Ты инженер по капсулам, а не по двигателям. Если со мной что-то случится, ты доведёшь корабль до Марса. Если с тобой что-то случится, я не доведу. Усёк?

Кай хотел возразить, но Орсон уже выплыл из рубки, ловко отталкиваясь от поручней. Дверь за ним закрылась с мягким шипением.

Температура третьего контура росла. Кай смотрел на цифры и считал секунды. Десять. Двадцать. Тридцать. Плохое занятие считать секунды, когда твой напарник в машинном отсеке. Секунды имеют свойство растягиваться в часы.

Он вызвал Орсона по внутренней связи.

— Орсон? Как там?

Тишина.

— Орсон, приём.

Треск помех.

— Орсон!

Кай бросился в машинный отсек, забыв про поручни, врежаясь плечом в стены узкого коридора. Больно. Плечо онемело, но страх за Орсона был сильнее боли.

Орсон лежал у открытой панели охлаждения. Вокруг него плясали красные цифры дозиметра — безжалостные, как приговор. Он чинил контур голыми руками, пока Кай ждал в рубке. Радиационная защита костюма не выдержала, или он просто не успел её активировать.

— Дурак, — прошептал Кай, подхватывая его под мышки и волоча к выходу из отсека. — Дурак старый. Почему ты не позвал меня? Почему?!

Он знал ответ. Знал и ненавидел его. Орсон не позвал, потому что берёг Кая. Потому что Кай был молодым, а Орсон старым. Потому что у Кая была Ныира, а у Орсона только фотография брата в нагрудном кармане.

В медотсеке Орсон открыл глаза. Кожа его уже начала краснеть. Радиационный ожог расходился от шеи к лицу, словно кто-то невидимый медленно наливал краску под кожу. Плохой признак. Очень плохой.

— Маркус, — сказал он. — Позови Маркуса.

— Он на Энцеладе. Я не могу. Связь не пройдёт через ретрансляторы, мы слишком далеко.

— Шагнись. Ради меня. Один раз.

Кай молчал. Орсон схватил его за руку. Хватка умирающего была неожиданно сильной, почти болезненной. Удиви-

тельно, сколько сил остаётся в человеке, когда всё уже кончено.

— Не шагайся, — сказал он, и в его голосе прорезалась прежняя твёрдость. — Я пошутил про «шагнись».

Кай смотрел на него, не понимая. Шутка? Сейчас?

— Лучше медленно, но собой, — сказал Орсон. — Это мой девиз. Запомни его. Обещай мне.

— Обещаю.

— И найди Маркуса. Скажи ему про вездеход. Скажи, что я не злился. Что я никогда на него не злился. Что это была просто игра. Что я любил его. Слышишь? Скажи ему.

— Скажу.

Орсон умер через четыре минуты. Кай закрыл ему глаза и долго сидел рядом, слушая, как стихает гул двигателей. Корабль дрейфовал в пустоте, аварийные системы перевели его в режим консервации энергии. В рубке стало тихо, как в склепе.

Кай сидел в кресле второго пилота и думал о том, что смерть — это не самое страшное. Страшнее забыть.

Он не шагнётся. Он полетит медленно. Как обещал. Как завещал Орсон — старый дурак, который полез в радиацию без защиты.

Глава 2: Восемь лет назад. Первая встреча

Колония «Надежда», TRAPPIST-1e.

Кай прибыл на планету грузовым рейсом, двенадцать недель в анабиозе. Пробуждение встретило его головной болью и металлическим привкусом во рту. Он вышел из корабля, пошатываясь, и первым, что он увидел, было небо.

Три солнца висели над горизонтом, красноватые, маленькие, не такие яркие, как земное на картинках. Они отбрасывали тройные тени, и мир казался нарисованным нетвёрдой рукой художника, который никак не мог определиться с освещением. Кай замер на трапе, глядя на это великолепие.

Колония «Надежда» была молода, всего семь лет с момента основания. Купол ещё не закончили, половина секторов стояла в лесах. Пахло озоном и свежим пластиком. Кая прислали налаживать систему жизнеобеспечения. Он был хорошим инженером, может быть, лучшим в своём выпуске. Возможно, поэтому его и отправили на край известного космоса, подальше от Земли, где он задавал слишком много вопросов.

Первую неделю он работал по шестнадцать часов в сутки. Менял фильтры, перепрошивал контроллеры, ругался с местными техниками, которые считали, что «и так сойдёт».

Пил дрянной кофе из автомата в общей столовой. Спал в крошечной каюте, где койка была на десять сантиметров короче его роста. Колонисты смотрели на него с любопытством. Новое лицо в замкнутом мире «Надежды» было событием.

На восьмой день он увидел её.

Она работала в лаборатории за стеклянной перегородкой, склонилась над микроскопом, что-то записывала на бумаге. На бумаге! В двадцать втором веке! Кай замер. Он не мог отвести взгляд от её тонких рук, покрытых мелкими шрамами. Такие шрамы бывают у тех, кто много работает с острыми инструментами и не жалуется на порезы.

Она хмурилась, закусывала губу, смотрела в микроскоп с такой сосредоточенностью, словно от того, что она там видела, зависела судьба человечества. Может, так оно и было, Кай тогда ещё не знал, чем именно она занимается. Тёмные волосы, собранные в небрежный пучок. Резкие, но правильные черты лица. Что-то в ней было от хищной птицы — орла или ястреба, который заметил добычу и готовится к броску.

Кай стоял у стекла и смотрел, наверное, дольше, чем позволяли приличия. Она подняла голову, посмотрела на него отсутствующим взглядом, словно он был частью пейзажа, чем-то вроде стены или трубопровода, и снова уткнулась в микроскоп.

Он пошёл дальше по коридору, чувствуя странное разочарование. Глупость, конечно. С какой стати ей обращать на

него внимание?

Их официально представили через два дня. Ныира — ведущий ксенобиолог проекта, доктор наук, специалист по экстремофильным микроорганизмам. Кай — инженер, который должен починить систему фильтрации в её лаборатории, потому что местные техники не справились.

— Вы мешаете, — сказала она вместо приветствия.

— Я ещё даже не начал работать.

— Вы дышите. Этого уже достаточно. У меня культура чувствительна к углекислому газу.

— Могу не дышать.

Она впервые посмотрела на него внимательно. Её бровь едва заметно дрогнула на долю секунды. Потом она отвернулась к микроскопу, но Кай успел заметить, что она улыбнулась.

— Не дышите, — сказала она. — И работайте тихо.

Он работал тихо. Менял фильтры, калибровал датчики, перебирал клапаны. Она сидела за микроскопом, иногда вставала, ходила по лаборатории, что-то бормотала под нос. Один раз выругалась длинно и витиевато, на смеси английского, русского и какого-то ещё языка, которого Кай не знал. Позже он узнает, что это армянский — язык её бабушки, старой страны, которой больше нет на картах.

— Проблемы? — спросил он.

— Они не светятся, — сказала она с досадой. — В подземных озёрах они светятся, а здесь нет. Я создала точные усло-

вия: температура, давление, минеральный состав. Всё совпадает. Но они не светятся.

Кай задумался. Он не был биологом, но инженерное чутьё подсказывало, если система не работает при точном соблюдении параметров, значит, параметры неполны.

— Может, им темнота нужна?

— Здесь темно. Я выключила свет.

— Может, им нужна не просто темнота, а... — он замялся, подбирая слова, — ...ожидание темноты?

Она посмотрела на него с любопытством. Впервые за всё время их знакомства.

— Поясните.

— Ну, в пещерах темно всегда. А здесь они знают, что за стенкой лаборатория, свет, люди. Может, они чувствуют... не знаю... присутствие?

— Вы антропоморфизируете микроорганизмы, инженер.

— Просто мысль.

Она ничего не ответила, но в тот вечер, когда Кай уходил, она сказала ему в спину:

— Я попробую экранировать контейнер. На всякий случай.

На следующий день она встретила его с несвойственным ей энтузиазмом. Глаза горели, так горят глаза у учёных, когда они наткнулись на что-то, что переворачивает картину мира.

— Они засветились, — сказала она. — Вы были правы. Им нужна не просто темнота, а... одиночество. Изоляция от

внешнего мира. Они чувствуют наблюдателя.

— Я рад.

— Кофе будете? Настоящий, не из автомата. У меня есть запас. Берегла для особого случая. По-моему, этот случай настал.

Это было началом.

Они стали пить кофе вместе каждый вечер. Сначала в лаборатории, потом в столовой, потом в её каюте, которая была немногим больше его собственной, но уютнее с книгами на полках, с голограммами земных пейзажей на стенах, с запахом корицы откуда-то. У Ньиры был талант создавать уют в самых неподходящих для этого местах.

Она рассказывала ему о своей работе. О микроорганизмах, которые жили в вечной тени подземных озёр и светились мягким голубым светом, когда чувствовали себя в безопасности. О том, что это, возможно, самая древняя форма жизни из когда-либо обнаруженных человечеством. О том, что она мечтает понять, как они общаются друг с другом, если вообще общаются.

Он рассказывал ей о капсулах шага. О том, что они поют, если приложить ухо к охлаждающим трубкам. О том, что он боится их, хотя не может объяснить почему.

— Я тоже боюсь шага, — призналась она однажды. — Я сюда летела двенадцать недель в анабиозе. Могла бы шагнуть за секунду. Но... не смогла.

— Почему?

— Не знаю. Чувство. Как будто... как будто если я шагнусь, то перестану быть собой. Глупо, да?

— Нет, — сказал он. — Не глупо. Я чувствую то же самое.

В тот вечер они впервые поцеловались. И это было похоже на замыкание электрической цепи. На мгновение, когда ток бежит по проводам и всё вокруг озаряется светом.

Авария в шлюзе случилась через месяц после его прибытия.

Они возвращались с разных объектов. Кай с внешней проверки датчиков на куполе, Ныра из экспедиции в подземные пещеры. Случайно оказались в одном шлюзе. Внешняя дверь закрылась. Внутренняя не открылась.

Система зависла. Такое бывает, даже в двадцать втором веке техника иногда даёт сбой.

— Чёрт, — сказала Ныра, нажимая кнопку аварийной связи. — Шлюз-4 вызывает диспетчерскую. У нас блокировка.

— Принято, — ответил механический голос. — Техники работают. Ожидайте.

— Сколько ожидать?

— Расчётное время устранения неисправности: от двух до шести часов.

Ныра выругалась на всех трёх языках сразу. Кай уже начал различать армянские ругательства, они звучали особенно выразительно.

— Что? — спросил он.

— Я боюсь замкнутых пространств.

— Вы биолог, работаете в пещерах и боитесь замкнутых пространств?

— Я полна противоречий. — Она села на пол, обхватила колени руками и закрыла глаза. — Не обращайтесь внимания. Я справлюсь.

Кай сел рядом. Шлюзовая камера была тесной, всего два на три метра, тусклое аварийное освещение, гул систем жизнеобеспечения. Он смотрел на неё и видел, как она борется с паникой: дыхание учащённое, пальцы вцепились в колени, губы сжаты в тонкую линию. Клаустрофобия — странный страх для женщины, которая проводит часы в подземных пещерах. Но люди вообще странные существа.

— Расскажите мне о микроорганизмах, — попросил он.

— Что?

— Расскажите. Отвлекитесь. Я буду слушать.

Она посмотрела на него с благодарностью и начала говорить. О том, как впервые увидела биолюминесценцию в подземном озере, словно звёзды, только под водой. О том, как потратила три месяца, чтобы выделить светящийся белок. О том, как назвала его «люциферин надежды» в честь колонии.

Он слушал. Задавал вопросы. Она отвечала. Время шло, но в шлюзе оно текло иначе медленно, тягуче, как сироп.

Через два часа она замолчала. Потом тихо сказала, почти шёпотом:

— Моя мама пела мне колыбельную, когда я боялась.

— Спойте.

— Что?

— Спойте. Здесь всё равно никто не услышит кроме меня.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом закрыла глаза и тихо запела. Мелодия была простой и древней, слова на языке, которого Кай не знал, но смысл угадывался: спи, моя радость, усни, звёзды смотрят на тебя, ветер поёт тебе песню, спи...

Он слушал, и что-то в его груди разжималось. Как будто всё это время он тоже боялся, может быть, одиночества. Может быть, будущего. Может быть, самого себя.

— Что это за язык? — спросил он, когда она закончила.

— Армянский. Моя бабушка была с Земли. Из старой страны, которой больше нет. Она говорила: «Пока ты помнишь язык, страна жива». Я помню. Значит, ещё не всё потеряно.

— Красиво.

— Это единственное, что у меня осталось от Земли. Я там никогда не была.

Они сидели молча ещё час. Потом Ньира сказала:

— Я рада, что застряла здесь с вами, а не с кем-то другим.

— Я тоже.

К тому моменту, когда дверь открыли, он уже знал, что влюбился.

Глава 3: Три солнца. Признание и разлука

TRAPPIST-1e, через месяц после аварии в шлюзе.

Они стояли под куполом. Над ними висели три солнца, клонящиеся к закату, красноватые, маленькие. Тени от камней были тройными, размытыми, словно мир никак не мог решить, какой из источников света главный. Красивое зрелище. Кай так и не привык к нему за всё время на TRAPPIST-1e.

— Я хочу детей, — сказала Ньира.

Она сказала это просто, как говорят о планах на ужин. Но Кай знал её достаточно, чтобы понимать, что она думала об этом давно. Она всегда думала о важных вещах долго, а потом говорила о них коротко. Это было одно из качеств, которые он в ней любил, — неумение ходить вокруг да около.

— Я боюсь, — ответил он.

— Чего?

Он молчал. Три солнца медленно опускались к горизонту, окрашивая купол в оттенки красного и оранжевого. Где-то внизу, в подземных озёрах, светились микроорганизмы, чувствуя приближение ночи.

— Я не могу объяснить, — сказал он наконец.

— Попробуй.

И он попробовал. Рассказал ей о папке с грифом «уничтожить до прочтения», которую нашёл в архивах Корпорации. О видеозаписи — утечке от уволенного техника. О человеке, который кричал, что он настоящий, пока техники в защитных костюмах заталкивали его обратно в капсулу. О том, что оригиналы не всегда уничтожаются автоматически, что иногда система забывает их убить.

— Шаг — это не перемещение, Ныра. Это копирование с удалением оригинала. И иногда удаление не срабатывает. И тогда они убивают людей вручную.

Она слушала молча. Её лицо было спокойным, но Кай видел, как побелели костяшки пальцев, сжимавших поручень.

— Ты уверен? — спросила она.

— Я видел запись. Я пересматривал её сорок семь раз. Я не мог поверить, а потом поверил.

— Почему ты не рассказал мне раньше?

— Потому что я боялся, что ты не поверишь. Или пове-
ришь, но... что это изменит? Миллиарды людей шагаются
каждый день. Ты хочешь, чтобы я кричал об этом на всех
углах? Меня просто убьют, как убирают «лишние копии».
Тихо. Без свидетелей.

Ныра долго смотрела на него, потом сказала:

— Поэтому ты не шагаешься.

— Да.

— И поэтому ты не летишь ко мне.

— Я лечу. Просто... медленно.

— Два года, Кай. Ты летишь уже два года.

Он опустил голову. Три солнца почти скрылись за горизонтом, и купол погружался в красноватые сумерки. Где-то далеко, на Земле, люди шагали каждый день — на работу, в гости, на свидания. Не задумываясь. Не боясь. А он стоял здесь, под тремя солнцами, и не мог заставить себя войти в капсулу.

— Я не знаю, что делать, — признался он. — Я хочу быть с тобой. Но я не могу шагнуться. И я не могу лететь на корабле каждый раз, когда ты на другом конце галактики. Я заперт.

Она подошла ближе. Взяла его за руку. Её пальцы были холодными, на куполе всегда было прохладно в час заката.

— Тогда давай будем заперты вместе.

— Ты не понимаешь. Если мы будем вместе, рано или поздно встанет вопрос о детях. О будущем. О том, где жить. Ты захочешь на Землю к своей лаборатории. Я не смогу летать туда-сюда годами. И шагнуться я не смогу.

— А если я не захочу на Землю?

— Ты биолог. Твоя работа здесь. Твой контракт заканчивается через полгода. Ты улетишь.

— Я могу продлить.

— Ньира...

— Я серьёзно. Я могу продлить контракт. Остаться здесь. С тобой. Под тремя солнцами. С микроорганизмами. С вечной мерзлотой за куполом. Мне не нужна Земля. Мне нужен

ты.

Он посмотрел на неё. В красноватом свете умирающих солнц её лицо казалось вырезанным из меди твёрдым, решительным и прекрасным. Такой он её запомнил. Такой он будет помнить её всегда.

— Ты правда этого хочешь? — спросил он.

— Я хочу быть с тобой. Где угодно. Хоть на астероиде. Хоть в открытом космосе.

Он обнял её.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она.

Через полгода её контракт закончился. Она продлила его ещё на год. Потом ещё на год. А потом пришло письмо из Корпорации, её исследования признаны перспективными, ей предлагают возглавить новую лабораторию на Земле. Отказаться было невозможно — это означало бы конец карьеры.

— Я полечу с тобой, — сказал Кай.

— На корабле? Двенадцать недель?

— Да.

— А потом? Ты останешься на Земле?

Он молчал. Земля была центром всего — капсулы, Корпорация, архивы, которые он так хотел изучить глубже. Но Земля была и центром его страха. Там он нашёл папку. Там он видел запись. Там он не мог спать по ночам, слыша во сне крики из капсулы.

— Я не знаю, — сказал он.

— Кай.

— Я правда не знаю. Я хочу с тобой. Я хочу на Землю. И я боюсь. Всё вместе. Одновременно.

Она улетела одна. На корабле, она тоже не шагалась, из солидарности или из собственного страха, он так и не узнал. Они договорились, что он прилетит следом, как только закончит проект на TRAPPIST-1e.

Проект затянулся на полгода. Потом ещё на полгода. Потом он взял рейс на Марс, нужно было помочь старому другу Орсону с «Ковчегом-3». Потом ещё один рейс. И ещё.

Прошло восемь лет.

Последние два года он не отвечал на звонки. Письма приходили всё реже, они стали короткие, сухие: «Всё в порядке. Скоро прилечу». А потом и письма перестали приходить.

Он знал о дочери. Ныра прислала голограмму, когда Кае было три месяца. Крошечный комочек с серыми глазами, которые смотрели на мир с той же серьёзностью, что и у матери. Кай смотрел на неё и не мог поверить, что это его ребёнок. Что он стал отцом, даже не зная об этом. Что он пропустил рождение, первые шаги, первое слово. Он смотрел голограмму каждую ночь. Потом раз в неделю. Потом раз в месяц. Потом перестал. Потому что если бы он продолжал смотреть, он бы сломался. Он бы шагнул, а шагнуться он не мог.

Когда Кае было семь, Ныра перестала присылать голограммы. Вместо них короткие сообщения: «Она спрашивает

о тебе. Что мне ей говорить?» Кай не отвечал. Он знал, что его молчание ранит их обеих и Ньиру и дочь. Но он боялся, что если ответит, то не сможет остановиться. И тогда ему придётся либо шагнуться, либо окончательно потерять их. Он выбрал второе. Трусость? Да. Но он не знал, как иначе.

Глава 4: Сбой

Земля, 2189 год. Станция «Гамма-7», сектор технического обслуживания.

Сигнал тревоги был непривычно высоким, прерывистым визгом, от которого закладывало уши. Такой сигнал означал только одно, серьёзный сбой, нечто из ряда вон выходящее. Кай выскочил из технического отсека, где только что закончил диагностику Б-12.

— Что за чёрт? — крикнул он в коридор.

— Зависание цикла в Б-12! — голос диспетчера из настенного динамика был напряжённым. — Человек внутри уже девяносто секунд. Система не может завершить сборку. Мы пытаемся перезапустить протокол, но капсула не отвечает.

Девяносто секунд. Шаг должен занимать меньше одной. Если цикл длится дольше — это сбой. Серьёзный сбой. Такой, какого не случалось уже много лет. С тех пор, как... Кай оборвал мысль. Не сейчас.

Он вбежал в зал капсул. Б-12 мерцала больным фиолетовым светом — цвет ошибки, цвет неправильности. Индикатор над дверцей показывал: ЦИКЛ ЗАВЕРШЁН. ОШИБКА СБОРКИ. ОЖИДАЙТЕ ТЕХНИКА.

Он был техником. Единственным техником в этом секторе. Ирония судьбы, не иначе.

— Открыть аварийно, — скомандовал он системе.

— Подтверждение: аварийное открытие может привести к повреждению биологического материала. Продолжить?

— Продолжить.

Дверца открылась с шипением. Из капсулы выпал на четвереньки человек, тяжело дыша, словно после долгого бега. Он поднял голову.

У него было лицо Кая.

Кай замер. Смотрел на человека, который смотрел на него. Одинаковые шрамы на левых бровях — память о падении с лестницы в детстве, старая колония на Марсе. Одинаковые родинки за правым ухом. Одинаковые серые глаза с жёлтым ободком вокруг зрачка — редкая мутация, которая была только у него и у его матери.

— Ты, — сказал человек с пола.

— Я, — ответил Кай.

— Ты — тот, который остался.

— Я не шагался два года.

— А я шагнул три минуты назад. На Землю. К Ньире. И вот я здесь, а её там нет.

Они смотрели друг на друга. В зале капсул было тихо, только гул систем охлаждения и далёкий шум станции. Где-то в диспетчерской наверняка уже били тревогу, но здесь, внизу, время застыло.

— Этого не может быть, — сказал Кай. Сказал и сам не поверил своим словам. Глупая фраза. Очевидно же, что мо-

жет, и что это уже случилось.

— Может, — ответил второй Кай, поднимаясь на ноги. Двигался он неуверенно, как новорождённый жеребёнок. — Система дала сбой. Я активировал шаг. Сигнал ушёл к Ньире. Но сборка на том конце не завершилась — капсула на Земле выдала ошибку «биоматериал повреждён». А меня... выплюнуло обратно. Сбой удаления. Я — оригинал, который должен был умереть, но остался жив. А ты...

— Я тот, кто не шагался. Тот, кто продолжал бояться.

— Значит, мы оба оригиналы? Или оба копии? Или ни то, ни другое?

Они стояли друг напротив друга — два человека с одинаковым лицом, одинаковой памятью, одинаковой жизнью. И никто из них не знал, кто из них «настоящий». Может быть, настоящих вообще не существовало. Может быть, каждый был копией кого-то, кто жил раньше.

— Нам нужно позвонить Сорену, — сказал первый Кай.

— Сорен уничтожит одного из нас. Ты знаешь, как это делают? Система иногда не стирает оригинал. Тогда техники заходят в капсулу и своими руками...

— Я видел запись, — сказал второй Кай. — Сорок семь раз. Меня тошнило на сорок восьмой.

— Значит, ты тоже это видел.

— Я — это ты. Я помню всё, что помнишь ты. Каждую секунду. Каждый кадр. Каждую тошнотворную деталь.

— Тогда ты знаешь, что будет, если Сорен узнает.

— Да.

— Ты готов умереть?

Второй Кай помолчал. Потом сказал, и в его голосе была странная смесь страха и решимости:

— Я уже умер, когда шагнул. Меня разорвало на атомы и собрало обратно. Я не хочу умирать снова. Один раз достаточно.

— Тогда давай не будем ему звонить. — Первый Кай прислушался к себе. Где-то глубоко внутри, на уровне инстинктов, он понимал, что этот человек — не враг. Этот человек — он сам. И убить его — значит убить часть себя. — Давай сначала разберёмся сами.

— Как?

— Не знаю. Но мы — инженеры. Мы решаем проблемы. Для этого нас учили. Для этого мы живём.

Первый Кай посмотрел на второго — на своё отражение, которое почему-то существовало отдельно от него. И кивнул.

— Идём в технический отсек. Там нас не найдут сразу. Там камеры не работают, я их отключил ещё месяц назад, когда... В общем, неважно. Идём.

Они вышли из зала капсул, оставив Б-12 открытой и мерцающей фиолетовым.

Глава 5: Квантовая подпись

Кай и его двойник сидели в техническом отсеке. Прошло два часа с момента сбоя. Они уже сравнили воспоминания, убедились, что оба помнят одно и то же, и теперь пытались понять как такое возможно.

За два часа они успели многое. Поспорили о том, кто помнит больше деталей из детства. Выяснили, что оба одинаково хорошо помнят и хорошее, и плохое. Посмеялись над общими шутками. Помолчали. Это было странно, сидеть напротив себя и понимать, что ты не один такой.

Потом двойник рассказал, как всё произошло.

— Я стоял перед капсулой на станции «Гамма-7». Восемь лет я не решался. Восемь лет я говорил себе: «Завтра. Ещё один день. Ещё один рейс». А потом посмотрел на голограмму Каи, на ту, последнюю, где она показывает выпавший зуб. И понял, если не сейчас, то никогда. Я зашёл в капсулу. Активировал шаг. Всё по инструкции.

— И что ты почувствовал? — спросил Кай.

Двойник закрыл глаза. Он вспоминал. Кай видел, как напряглись мышцы его лица.

— Сначала холод, как будто каждая клетка тела замерзает по отдельности. Не снаружи внутрь, а изнутри. Из самой сердцевины. Потом вспышка. Ярче всего, что я видел. Ярче

солнца. Ярче трёх солнц на TRAPPIST-1e. А потом... тишина. Я был везде и нигде одновременно. Я чувствовал Землю. Чувствовал Ньиру. Она была рядом, я знал это. Я чувствовал дочь Каю. Она спала в своей комнате, и я мог бы... мог бы коснуться её, если бы смог. Но не мог, потому что сборка не завершилась.

— Почему?

— Капсула на той стороне выдала ошибку. «Биоматериал повреждён». Меня начало разбирать на кванты, но не собралось обратно. Я висел в пустоте между «здесь» и «там», и понимал, что умираю. А потом что-то... потянуло меня назад. Как резиновый жгут. И я оказался здесь.

Кай задумался. Резиновый жгут. Квантовая запутанность? Возможно. Но нужны доказательства. Инженер не верит словам, он верит данным.

— Этого не должно было случиться, — сказал он. — Система шага работает так: капсула А считывает квантовое состояние тела, передаёт данные в капсулу Б, капсула Б собирает копию, капсула А стирает оригинал. Если сборка не удалась, то капсула А всё равно стирает оригинал. Таков протокол. Иначе получится две копии. А две копии — это проблема. Этого не должно быть.

— Но протокол не сработал.

— Да. И я хочу понять почему. Потому что если протокол не сработал один раз, он может не сработать снова. И снова. И снова.

Кай встал и подошёл к терминалу технического отсека. У него был доступ к логам капсулы Б-12, он же её обслуживал. Пальцы привычно забегали по сенсорной панели.

— Смотри. — Он вывел данные на экран. — Квантовая сигнатура. У каждого человека она уникальна, как отпечаток пальца, только на субатомном уровне. Когда человек шагает, сигнатура копируется. Копия получает ту же сигнатуру, что и оригинал. Но оригинал стирается, и сигнатура остаётся одна. Так должно быть.

— Я знаю.

— А теперь посмотри на логи. Твоя сигнатура... она не скопировалась. Она раздвоилась.

Двойник подошёл ближе. На экране отображались два графика. Две квантовые сигнатуры. Идентичные. Абсолютно. До последнего кванта. До последней субатомной частицы.

— Этого не может быть, — прошептал он. — Квантовое состояние нельзя клонировать. Принцип запрета клонирования. Фундаментальный закон физики. Нас не должно существовать.

— Значит, закон нарушен. Или... он никогда не работал так, как мы думали. Может быть, физика сложнее, чем наши учебники.

Кай увеличил график и вывел третью расчетную линию.

— Смотри на амплитуду. У тебя и у меня она одинаковая. Но фаза... фаза инвертирована. Видишь вот это? Теорети-

чески, наша общая сигнатура должна коллапсировать в одну точку, если расстояние между нами превысит примерно полторы астрономические единицы. Это предел когерентности для макроскопических объектов. Если один из нас улетит дальше и запутанность разрушится. И мы станем двумя разными людьми. Окончательно. Бесповоротно.

— А сейчас?

— Сейчас мы — один человек в двух телах. Если я ударюсь пальцем, ты почувствуешь эхо. Не боль, но... отголосок. Мы делим один квантовый ресурс, как два процесса на одном ядре процессора. Как две программы, которые используют одну память.

— И что будет, если один из нас умрёт?

Кай помолчал. Он знал ответ теоретический, на уровне формул и расчётов. Но одно дело знать формулу, и совсем другое применить её к себе.

— Квантовая информация не исчезает. Она перераспределяется. Если ты умрёшь, я получу твою память. Не как воспоминания «о тебе», а как свои собственные. Я буду помнить, как ты шагался. Как тебя разрывало на атомы. Как ты висел в пустоте между «здесь» и «там». Я буду носить твою смерть в себе до конца жизни.

Двойник смотрел на график. Его лицо было спокойным, даже слишком спокойным для человека, который только что узнал, что его смерть станет чужой памятью.

— Значит, если я умру, ты станешь мной. Частично.

— А если умру я, тогда ты станешь мной. Тоже частично. Мы обменяемся, как сообщающиеся сосуды.

Они замолчали. В техническом отсеке гудели охлаждающие трубки капсул, и в этом гуле обоим слышалась одна и та же мелодия. Та самая, которую Кай слушал каждую ночь. Только теперь она звучала тревожнее, настойчивее. Словно капсулы знали то, чего не знали люди. И словно они ждали.

— И что нам теперь делать? — спросил двойник.

— Не знаю. — Кай выключил терминал. — Но одно ясно точно, Сорен захочет нас изучить. Потому что такого никогда не было. Мы — аномалия. Мы — ключ к чему-то большему. Только я пока не понимаю, к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.